

Тень Фонвизина

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
Позволь на время удалиться,
Владыке ада молвил он,
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться.
Ступай! в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!
Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Все идет той же чередой;
Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,

Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Все столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.
Вздохнул Денис: О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клеветы,
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их.
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрени,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
Пойдем, сказал Эрмий поэту,
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных лозами наградить,
Других венком увить свирели.
Сказал, взвились и полетели.
Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумье за столом

На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
Кто он? Издатель Демокрита!
Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжело,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?
Быть так, Меркурий, полетим.
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно, он!
Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?

Здорово ль, весело ль живешь?
Увы! несчастному поэту,
Нахмурясь отвечал Хвостов,
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякий лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В Аспазии боготворят.
А все последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том,
Но я поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вооружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать.
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фонвизиним пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил
Вздохнул, зевнул, перекрестился,

Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.
Меж тем, поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты, славяно-росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала Петриада,
И дикий взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтири обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюстителю чести муз усердный

Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!
Довольно! нет во мне охоты,
Сказал он, у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?
На берегах поет Невы.
Итак, стигийския долины
Еще не видел он? Увы!
Увы? скажи, что значит это?
Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты все увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика.
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
Так ты здесь в виде привиденья?..
Сказал Державин, очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!..
Но, кстати, вот на славу ода,
Послушай, братец. И старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленье
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:
Открылась тайн священных дверь!..

Из бездн исходит Луцифер,
Смиранный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!...
Ого! насмешник мой воскликнул,
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог ты червь, ты свет ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем бешуся я невольно.
И мигот отлетел он прочь.
Какое чудное явление!
Фонвизин спутнику сказал.
Оставь пустое удивление,
Эрмий с усмешкой отвечал.
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора
И тайной завистью горел.
Но Феб слышал глас укора,
Его покоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить.
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?
Пора домой, вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец,
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я наконец.

Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
Конечно, здесь живет певец,
Сказал, обрадуясь, мертвец,
Взойдем! Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом,
С прелестной Лилою дремал
И, подрумяненный фиалом,
В забвенье сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?
Он стоит их, сказал Меркурий,
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но, лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит.
Так я же разбужу повесу,
Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся

И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад.